

Шелест

Ты тишину терпением украсишь,
и зимний свет уйдёт корнями в вечер.
Тень растворится одиночеством. Теряй,
теряй себя – в оттенках больше смысла.
Ресницы звезд благословят слезу.
Сквозь ледяную паутину января
пропустит месяц шёлковую нить,
и преклонят колени фонари.
Во всю околицу вскричит ночное небо,
где пустота, вмещающая пустоту,
покорно принимает тяжесть глаз;
и сквозь коринфские колонны старых сосен –
лишь пробужденье льда, лишь тонкий дым
дыханья на снегу – дар вечности во мраке.
Ночь вдаль скользнёт, цепляя сон могил
у чёрного оврага горизонта,
где беззащитна плоть и благодатно сердце,
как шелест птиц за пеплом облаков.

Утро

Утро. Задумчивым светом
переливаются волны снега.
Грустно шепчутся вслед,
о недоступности лета,
январские окна,
выпадая в осадок рассвета.
Ветер горит на щеках.
Кромка льда на губах
застывает улыбкой.
Солнца улитка,
в час по чайной ложке,
дрожит на лепестке облака.
Смотрю на стекло
и вижу узор
собственной замёрзшей ладони.
Судьба – такая условность,
когда взгляд распускается
снежным цветком
белого поля,
и сонно
тянется вдоль
мягких кровель сугробов.
Всё ближе и ближе
учащённое сердцебиение;
наверное –
оттепель сердца;
наверное –
ветер, тревожащий тени ветвей
на краю январского света;
наверное –
последнее слово
на языке абсолютного холода.
Испарина фонарей
ложится на зеркало снега,
как на пустой холст.
Всё ближе и ближе ставни
остывшего неба –
чтобы видеть больше,
чем есть на ладони,
чтобы молиться инеем глаз

на хрупкость реки,
обёрнутой в саван морозного воздуха,
и преломлять чёрствый хлеб
тонкого льда под ногами...

След

Слух пополняет библиотеку шумов, проплывая над
зимним городом, облаком налегке, местами слега простывшим;
и случайно выловленный из толпы взгляд,
случайный, как порыв ветра,
вдруг напоминает о музыке летних крыш;
и это мгновение – такая же загадка,
как сотворение мира,
когда что-то входит в тебя безвозвратно,
а после молится замёрзшими пальцами у камина
собственному воображению,
выкроенному по образу и подобию
мерцающей тени свечи у окна.

А поблизости – чёрный огонь занавесок,
свято не выходящий за рамки молчания;
и рядом –
почти никого, кроме права дыханья
и права любви
наедине.

А метель всё подбрасывает белые письма,
без обратного адреса, в почтовые ящики; и сквозняк в прихожей,
словно осенние листья,
скрывает наспех следы случайных прохожих;
и тающий лёд в стакане
отражается нежностью беглого взгляда вниз
по течению фонарей, словно дышит над ухом полночная дрожь
ветвей, склонившихся падающей звездой весны.

Вдаль

Подышать тишиной листопада
на задворках города,
на ощупь пробуя тонкий лёд –
приглашали глаза, цвета дождя.
Седые облака,
с упорством старика,
прощанию учили,
слова безмолвно подбирая,
и пеплом покрывая блеск волос.
Надежда грела
сквозь туман окна –
как будто всё, как прежде – но не верь.
Всё сбудется завтра – но не здесь –
сулило сердце
сквозь дымок кофейный.
И просветлённым одиночеством аллея
в осенней полумгле горела
душа настольной лампы –
словно чей-то крест.

Ветер губ

Кожа, сбросившая июльский загар, ищет грубой ласки в плену трикотажа.

Зимнее солнце, облокотившись о липы, стряхивает с себя новогоднюю пыль.
Настольная лампа вслушивается в шорох изжитых слов на мятой бумажке,
где осколком нежности лучик света скользнул и чернильной кляксой застыл.

Подтаявший городской снег похож на старый пергамент из овечьей шкуры.
Геометрия улиц упирается в тишину долгостроев, как в бёдра карнакских колонн.
Когда находишь только себя, в пустой комнате, судорожно рисуя каплю воды на лепестке лотоса – это, быть может, он –

крик души, прикоснувшейся к стеклу обещанием – больше ни звука,
набирающей в поисковой строке горизонта – ночь, холод, луна;
это, может быть, ветер губ, шепчущих что-то про дом, словно про дым разлуки;
или просто сон, сон наяву в ожидании сна.

Зона молчания

Тает солнце, как кубик льда на ладони,
по февральской дороге летит белый звон;
ветер в колокол бьёт, камнем падая в поле,
и к проспектам холодным спеша на поклон.
Тишина оглушительна, тьма – ей созвучна,
словно ветви поддело обломком струны;
ветер кистью взмахнёт, разнесёт слепой случай
по развилкам игральные кости зимы.
Тает солнце, и тают слова в одночасье,
на скупых занавесках – следы от когтей,
это ночь скользит в дом, будто нож по запястью,
прикрывая ресницы глухих фонарей.
И под чёрной золой гробового молчанья
тянет к сердцу ладонь – лёгкий отблеск весны,
обменявшись теплом, как кольцом обручальным,
с этим тающим солнцем, как с горсткой золы.

Оттенки

Слышишь –
птицы слетаются
на голос медной капли.
Чувствуешь – дым на сетчатке,
слабость сонной воды на плечах –
это губы рассвета пропели

аллилуйю,
пробуя тёплое утро на вкус;
и теперь, возможно,
тебе нужно гораздо больше,
чем видят глаза,
чем вдыхает бледная кожа,

когда набухают почки,
когда просыпаются облака;
ведь скоро придёт весна, чтобы
спросить тебя, в самое сердце,
о хищной химере надежды
в складках прозрачного воздуха –

и ты должен раскрыть ей пустую ладонь,
согревшую талый снег,
и подарить, с первым проблеском дня,
своё одиночество,
всегда возвращающееся
холодной приметой дождя,

приласкавшего чёрный лёд
мартовских тротуаров.
И где-то вдали,
где ложится на камни сердце,
рассекая зелёные волны безмолвия,
будут слетаться птицы, к твоим молитвам,
как к звукам воды.

Песня

Последний день зимы –
свинцовый шлейф земли,
шлак снега на обочине,
тень тишины на площади,
красный муар зари...
И в сердце неразумном,
и в сердце окаянном –
посеребрённый иней,
а, значит – и надежда,
и чёрных глаз пустыня,
и ледяная нежность
безлюдных полустанков,
и горизонта блеск
с окалиной рассвета...
Обрывком шестиструнным
скользнув по проводам,
последний окрик ветра,
подмешивая ладан
в горящие угли,
весну пообещает,
словно благую весть.
Свет облака, лаская
аллей перспективу,
на кровли опуская
оттаявшие крылья,
замолвит своё слово,
за тех, кто умолчал
в людском бездонном море.
И всё начнётся снова,
до боли непрерывно,
как старая любовь –
и полночь глаз, и кома
горячих поцелуев,
и шёпот губ замёрзших
на фоне дальних окон,
и медленная ночь.

Дыхание

Не бойся быть нежной, как тонкий апрельский лёд,
не бойся быть мягкой, подобно зимнему солнцу на склоне
дня; и пусть твои волосы гладит ночной ветерок,
с частотой мотылька, летящего на огонь.
И будто серебряная цепочка упала змейкой в ладонь –
сердце на полпути замрёт, голос на полпути растает.
Исповедь глаз, прикоснувшись душой к стеклу,
пусть не ищет тоски и боли –
больше не будет слов, обещаю.
Останется, только шелест листьев и влажная ночь,
и пропасть окна, застеклившая чёрную розу дороги,
и тень на двоих, тень просветлённого одиночества,

словно привкус крепкого кофе с толикой алкоголя.
Не бойся быть нежной, как стебель дикого винограда,
не бойся быть обездвиженной, кроткой, переходя на полутона;
пусть красный муар вечернего воздуха тебе играет
бесконечный блюз, пока ты читаешь на подоконнике у окна
Бодлера, или Верлена, а искусственный свет плафона,
роняя на хрупкие плечи складки огня,
подражает призраку неба с картин Тёрнера,
или дыханию тихоокеанского маяка.

Пауза

Закат, как цветущая вишня;
солнце, как крона спящего дерева –
это сладость вечера,
когда распускаются бело-розовые цветки табака;
это аромат нежных восточных лилий
в остывающем воздухе;
это дрожащие кончики пальцев,
словно перешёптывающиеся
колокольчики ландышей в тенистом саду,
где гиацинты прячутся от ветра ранней весны,
и с лиловых кистей сирени струится прохладный огонь;
где тёмно-синее небо успокаивает старую боль,
и луна восходит цветком южной магнолии,
оставляя за спиной цикл весенних фресок,
словно росу дыхания.
Закат. И вся жизнь –
будто один брошенный взгляд с моста
на уходящий поезд,
где маска снежного облака, отражённая в холоде луж,
расплывается призрачным одиночеством,
и беспросветные тени перил
напоминают бамбуковый лес Киото.

Голод

Когда дождь, когда ночь, когда всё не с руки,
просто выключи свет, просто-напросто стань
мягкой глиной, деревом, первой любовью,
смертной тенью, скрывающей горечь и пыль.
Когда в ветхой одежде из плоти и крови,
голубыми глазами, пасущими ветер,
соберёшь ты весь пепел осенних надгробий,
сквозь надтреснутый мрамор пробьётся душа.
Утолив поздний голод водой или хлебом,
положив на весы чистый жемчуг с камнями,
тёмно-красного неба горящий светильник
преврати в тишину, в ежедневную жертву.
Делай ход, как сомнамбула за облаками,
в этом северном царстве, лишь так бьётся сердце,
в этом северном царстве, лишь сон, лишь безумье –
твои ладан, и смирна, и твой фимиам.

Ключ

Береги
безмятежность свечи,
как зеницу ока,
пока взгляд балансирует
на нитях дождя,

и расплываются лужи
содой апрельского облака,
и кожа, как снег холодна,
и тонка, как батист.
Пусть ищут ночлег
промокшие ноги;
пусть ивы лёгких ресниц
провожают вечернее солнце;
пусть шорох уставших ладоней,
растворяясь
за полушёлковым тюлем,
прикрывает от влажного ветра
неровное пламя огарка,
словно дыханье,
словно последнюю крошку
пшеничного неба;
ведь всё,
что нужно для счастья
путешествующему налегке –
это капля крепкого кофе,
и дымок из фарфоровой пепельницы,
выводящий над подоконником
мягкую кисть персидской сирени,
словно метафору
бесконечной дороги.

Diptychos

I
глаза твои –
самоубийства грань,
свет недосказанности
сорванной слезы;
душа –
прозрачный холод стёкол
над выцветшими
скверами апреля,
где оживает пыль,
шлифуя тротуары,
и ветер зажигает фонари...

II
глаза твои –
прибоя сизый шум,
далёкий свет,
осевший на ветвях;
душа –
дождливый шёпот вешних кровель
над выцветшими
скверами апреля,
где оживает ночь,
лаская тротуары,
и обжигает свежестью норд-вест...

Фреска

Апрельский полдень тает акварелью.
Сырое небо отдаёт похмельем
и берегом речным.
Сквозь сон огня ползёт туман весенний,
с ресниц свисая, как вода с ветвей;
и вдоль аллей – лавандовые тени

под ледяное солнце фонарей
бросают якорь вязкой паутиной;
и мне тепло,
и голос мой, как глина,
и тишина – надёжней всех дверей.
С петель срывается сквозняк
берёз бумажных,
и в небе влажном
гаснет пустота.
Дыханье камня, бледный ритм пейзажа,
и сонный взгляд,
прохладный, как река –
апрельский холст расписывают маслом.
Со мной – усталость
и немного ласки
дорожной пыли
в шёпote одежд;
во мне – молчание,
как тысяча надежд,
что отмечают горизонт проезжий;
и горьких слёз доподлинная сладость,
в пустых глазах заделавшая брешь...

Музыка

Деревьев обнажённых канделябры.
Сон фонарей плывёт в перспективу,
словно огни Святого Эльма.
Амальгама
тоски речной рихтует грязь и глину.
Арктическая радуга проспектов.
Мостов и мостовых гудящий улей.
Забьётся сердце, причастившись ветра,
как Шумана квинтет под толщей шума.

И вот – душа весны – протяжный выдох
и право на глубокое сиротство,
где музыка всегда находит выход,
качаясь вслед трамвайным отголоскам;
где чей-то шёпот, выпав из контекста,
скользнул по проводам на нежный голос,
напоминая рваный ритм фламенко,
или янтарь оттаявшего солнца.

Путешествие

Пока ты в сумерках смотришь на пояс Венеры,
я расскажу тебе о голубых пещерах Закинфа,
о песчаных дюнах Сахары и кольцеобразных затмениях,
о гейзерах Йеллоустоуна и великом коралловом рифе,
о песчаных бурях и огненной радуге,
о соляных озёрах Боливии и тосканских холмах,
о бирюзовых волнах и фьордах восточной Исландии,
о пропасти взгляда в разломах сланца, песчаника, известняка,
о синей луне и высокогорных лугах,
о водопаде Жемчужина и рисовых склонах на Филиппинах...
Пока ты смотришь на огненный дождь, неторопливо
помешивая горячий кофе, я прошепчу тебе на ухо –
как хорошо, что не надо опять собираться в дорогу,
словно мраморные пещеры Чили отражаются в твоих глазах,
словно напротив – степь, прокричавшая жаворонком,
и падающие звёзды дрожат золотистым дроком...

Душа

Хочется ветра, или чего покрепче.
Пробивают нагретый воздух
молочные почки.
Господи, Господи, Ты ли это?
Подсохнет акрил зари,
проговорится тёплое небо,
и душа неслышно
скользнёт между строчек.
Щепка взгляда выцарапает, выстрадает
свой кусок хлеба –
крошки молочные света;
и вновь серой мышкой под наволочку тела,
до поры до времени
навёрстывать одиночество.
Господи, Господи,
полно смотреть в глаза –
невыносимо ярко –
невыносимо холодно
от собственной тени.
Полдень. Вербное Воскресение.
Сине-зелёная гамма безмолвия
тянется вдоль реки.
По-соседству – душа,
одна-одинёшенька,
прогорая хворостом
по-весеннему искренне,
испокон не ведая, что творит,
искрой вспыхивает со дна взгляда.
Какая же дурочка, Господи –
алмаз чистой воды.

Вода

Просидеть всю ночь напролёт,
искушая прохладу,
слушая джаз мелководья;
просидеть всю ночь
у чаши воды,
точь-в-точь,
как вчерашний дождь,
уснувший в овраге –
это ли не исход,
в котором шелест осоки
переплетается
с медными струнами волн,
в котором тёмно-лиловое небо,
нависшее сном
над пропастью мира,
проскальзывает
суверенной нотой молчания,
и одинокое сердце
мгновенно
привязывается
к одиночеству
местности,
не замечая
собственной тени.

От запястья до кончиков пальцев

Хлопнет ветер зелёной фрамугой,
зашумит в голове вешний хмель,
чьи-то руки, на грани разлуки,
тёплый вечер проводят за дверь.
Лунный холод скользнёт над кроватью,
запирая дыханье на миг,
чьи-то руки движенье подхватят,
будто холод нуждается в них;
кинут жест беспросветно-бессрочный
в тишины погребальную степь,
чтобы, солнцем полночно-немолчным
согреваясь, опять умереть.
Дым фонарный, не пойманным вором,
окна вскроет, взгляд бросишь, а там –
опускаются руки покорно,
чтобы снова пойти по рукам
в суете городских перебежек,
полуснов, полуслов ни о чём,
проклиная и чествуя нежность,
что окажется вешним дождём.
Притяжение окон холодных,
полутьмы погребальная тень,
чьи-то руки, дыханьем неровным,
приоткроют полночную дверь;
как щеколда, скользнёт лунный холод,
и задержит дыханье на миг,
чьи-то руки – ничьи на сегодня,
значит, кто-то нуждается в них...

Визави

Небо утреннее
аршинной ладошкой
хватает солнце за шиворот,
шумит незабудкой,
впиваясь вошью
в прохожих живую изгородь.
Луны осадок
взглядом пропойцы
на посошок красуется.
Волы фасадов
сено воздуха
жуют вдоль мозолистых улиц.
Дорожные ветки
гремят колодками
под шорох облачной извести.
В утреннем небе
нервы ни к чёрту –
видно к дождю или к измороси.
Ветви голые
тени роняют
сквозь тени прохожих беглые.
Ты сердце любое
открой, там шрамы
нежные, чёрным по белому.
И нет ничего прекрасней
ига
глаз этих дымчато-чёрных.
Снежный фаянс
облаков, словно вихрь
сердца разоблачённого.

Полотно

Тень надежды – весна, весна –
как близка прохлада твоя,
словно дождь застывает в глазах,
словно ветер врезается в смоль
лип столетних,
и змеи ручьёв
расползаются шорохом леса,
подражая звону зеркал,
набирая холод в гортань.
И все слёзы – лишь смуглая соль
облаков, уносящихся вдаль,
сквозь подвальную сырость и синь,
в поднебесье, где песен не счесть,
и где сердце сходит с ума,
подцепляя морскую болезнь.
Майский рай на земле –
нежный яд
на развилках жилистых роц –
словно ветер скользнул по щеке,
словно дождь затаился в глазах,
вместе с облаком накоротке.
От разлуки до встречи – лишь миг.
От руки до объятий – лишь взгляд.
Как идёт прохлада тебе,
как прекрасен твой хмель и твой чад,
как незрячи твои огни.

Море, увиденное издалека

Гулу морской раковины
подражает сквозняк на кухне.
В прихожей – апрельская слякоть,
на сердце – мокрый песок и галька.
Ресницы бросают якорь
в гавани апельсиновых штор.
Ночь шевелится в глазах,
прорываясь нарывом заката.

Призрак лёгкого бриза
топчется с узелком у подъезда,
преодолевая порог слышимости,
целуя тёплые весенние раны
ветвей.
Приглушённый свет фонарей
сбивает настройки дневного взгляда.
Последняя сигарета
ждёт своего часа,
пока луна
над изгородью аллея

окольцовывает
тишину
ржавым железом.
Окна,
разбегаясь морским перламутром,
врезаются в улицы,
словно лёгкий бриз.
И покатые волны призрачного побережья,
ссутулившись над песчаной пудрой,

напоминают собственную душу,
разглядываемую сверху вниз.

Май

Игра света и тени поверх асфальта
перекликается с весенним небом,
пропитанным
ароматом сирени.
Первой ласточкой подхватываю
дрожь листвы,
и бегу без оглядки
туда,
где взгляд – словно водная лилия,
где соль облаков
осыпает береговую линию
прощальной тоской;
где игра света и тени
поверх илистого
дна
перекликается
с небом, выходящим из берегов;
где дрожь листвы
бьёт по струнам майского воздуха,
и линия горизонта
переходит в линию жизни,
под шелест неторопливых волн;
где в наползающей тени
нисходящего вечера
остаётся,
лишь
претворится безбожником,
молящимся на закат мая,
и осторожно теряя свой след
вслед ускользящему лучу солнца,
собирать в ладони
тёплый
дождь,
жемчужные капли беспечной прохлады,
как строчки,
посвящённые первой встречной...

Взгляд

Солнце, словно вытаскивает себя за волосы,
бросая лукавый прищур на тенистую мостовую –
а-ля милостыня.
Собственный взгляд застревает в черте города – в каменной кости
мостов, стен, дорог, в косогоре кровель –
оставаясь единственным по-настоящему родным и близким.

Он, точно шлюха, не терпящая простоя,
ищет обочину, цепляясь за разговор, за добрый глоток вина;
но находит, лишь дождь на карнизе собственного дома,
где оконная рама дрожит, как рука с перепоя,
будто окно пытается выброситься из окна.

Клинопись ливня штопает пыльные ранки асфальта,
на живую, въедливо;
влажная дурнота
подступает к глотке вешних улиц, просеивающих смальту
онемевших витрин и придорожных реклам.

Дождь возит челюстями по мокрому воздуху, сплёвывая
остатки прямой речи,
и расставляя всё на свои места:
взгляд, словно шлюха, не терпящая простоя,
прохладный вечер,
вокруг ни души, значит в душе – весна.

Признание

Я заглядываю в дверной глазок, словно в горлышко винной бутылки.
Я иду прогуливаться с фотоаппаратом, разгадывая светотени, затянувшие город.
Пустые улицы романтичнее пустых слов. Нежные лица, неисповедимо,
падают в шелест страниц, на которых любовь подобна хронической боли.

Я хочу быть душой пустых улиц, каплей света в дверном глазке,
чтобы, разыскивая тебя, верить в любовь, также как верю в разлуку.
Я хочу быть искренностью, не истиной в последней инстанции, нет,
а, искренностью случайного попутчика по правую или по левую руку.

Тёплый ветер путается в листе волос, выпадая из анабиоза.
Глаза, словно пускают стеклянные корни, не вылезая из окон.
Это то время, когда крик переходит на внутренний голос –
в надежде, что когда-нибудь его безмолвие станет твоим шёпотом.

Солнце тридцать второй весны – с каждым годом всё сильнее и сильнее
напоминает пакетик чая, заваренный кем-то дважды.
Это то время, когда даже глоток воды превращается в откровение –
возможно, когда-нибудь и моя жажда станет твоей жаждой.

Печаль

Кружат стрижи, уходит вдаль проспект,
над сеткой проводов тоскуют крыши,
чуть слышно шепчет на ухо рассвет,
и тени разбегаются, как мыши.

Простудой лёгкой утро окрестив,
прохлада треплет облако за локон,
безжизненный, как сон, жилой массив
впивается в рассвет глазами окон.

Всё – дважды два; всё – на один покрой;
как и должно быть: солнце, небо, тучи.
Лишь сердца шум, и пыль души, порой,
упорно не желают благозвучья.

Кружат стрижи, уходит вдаль шоссе,
аэропорт пустует по соседству –
здесь сердца шум на взлётной полосе,
давно не помнящий, где окапалось сердце.

Простуды лёгкой подмешав, восток
зайдётся облаком, как старый вяз сутулясь.
Волной прольётся нежный майский сок
в уста беззвучные из устья майских улиц.

Качнув дверьми, затасканный подъезд
швырнёт сквозняк, и смочит солнце ливень.
Вся красота прекрасна тем, что есть
в ней капля смерти, с правом на бессилье.

И скупой подбирая нужный ключ,
родник, криницу, колыбель, источник,
я люблю опять обломки туч
над головой и тихий пепел ночи.

Я люблю взаимную печаль,
рождение лёгких слов в предсмертной муке,
тень звука, сень души, табак и чай,
оставив остальное – для разлуки.

Сонет

Сиюминутная элегия заката,
словно мотив сверчка накоротке
в вечернем сумраке, где тает налегке
пыль полдня под морщинами халата.

Смоль горизонта, бледных окон фрески
хранят, как память – смертную тоску,
смак полусна, преклонную весну
под чёрной скорлупой слепого сердца.

Густые ели, лапами качая,
в святилище, с сокровищем молчанья,
откроют дверь, захлопнув глаз просвет.

Просалютуют парковые кроны
сквозь беспорядок неба невесомый,
и ночь покроем тайной, словно смерть.

Отпусти

Я смотрю на движения твоих рук,
что удерживают призрачный бриз на шёлковом поводке,
я читаю их нежность, перелистывающую страницы долгоиграющей ночи;
радиус действия твоих глаз, губ,
равен радиусу вечернего неба, воздушному поцелую, долготе
разлуки, запечатлённой в сердце,
в этом, сжимающимся под собственной тяжестью, островке одиночества.

Милая, отпусти этот призрачный бриз
с шёлкового поводка, подари эту нежность кому-то ещё,
кто будет надёжнее самой глубокой ночи, безнадежнее летней жажды;
падая, не закрывай глаза и не смотри вниз,
помни, как бьётся о берег тёплый июньский дождь,
смывая следы, входя в одну реку дважды.

Словно

Словно преклонный старец, вечер в окно стучится.
Солнце, бросая вёсла, тихо идёт ко дну.
Полночь вплетает в косы шлейф тополей серебристых,
что освещают дорогу, будто туман луну.

Словно звезда упала, в скверах вздохнула полночь.
Тени, сродни иконам, скорбно мостятся в углу.
Тают дальние окна, влага чёрная точит
камень глухого фасада, будто прибой скалу.

Словно прождав столетья, ты открываешь ставни,
ветер врывается в спальню, тяжесть срывая с ресниц,

и, как сухие листья душу твою листая,
вдруг обжигается ветер о пустоту страниц.

Словно и не было жизни, только избыток пространства
в чёрной пустыне неба и тополиный чад,
только пустая дорога, ночи анютины глазки,
залежи звёзд, шум поля и сиротливый взгляд.

Эпизод

Весна прошла – инцидент исчерпан.
Всплывает июнь, раскачав лодку солнца.
Сады, дворы, переулки лета
тают зелёной, как свечи воском.

Вдыхая пылицу дневных подмостков,
фасады ждут ночь, чтоб уйти в закулисы.
Город, изрезанный дорожными оспинами,
флиртует с облаком, плетущимся из-за...

Коротаю вечер с глазу на глаз
с воображеньем, обернувшим на практике:
закат – в билет на последний сеанс,
кофейную пенку – в рукав спиральной галактики.

Смотрю на звёзды – мороз по коже –
точка зрения многоступенчато
перетекает в теорию множеств.
Закрываю глаза – инцидент исчерпан.

Контур

Вечерний воздух
замирает,
словно
безмолвия наместник на земле,
и, лишь аллеи шевелят губами.
Ракитник изливает боль
над тишиной реки.
Упали сосны в небо
пьяным вздохом,
и вяжет рот,
на посошок,
вино.
Глухая дрожь
скатилась по предплечью.
Я помню поцелуй,
не помнящий
имён –
тот кроткий ландыш,
мак, налитый кровью,
цветок,
влюблённый в ветер –
все приметы
печали нежной,
нежности печаль.
Я разгадал его –
он справедлив по-своему,
принадлежа, лишь краскам сна,
не мне,
что изучил дословно,
слово в слово –

бессонницу
и горечь табака.

Вид

Звёзды – псы-поводыри –
тащат ночь через запруду
серой завали луны.
На балконе – пыль июня,
белый призрак простыни,
лип душистых амплитуда,
полумёртвые огни...
Ночь, цыганкой полногрудой
рассмеявшись меж аллея,
заговаривает зубы
тарабарщиной ветвей.
Сквозь дымок мышино-лунный
сном повеет шум травы.
За стеной острог июня –
от сумы и от тюрьмы...
Чёрный сад, фасад лоскутный,
тротуара сонный след.
Кости ставней гложет скука,
обрастает тьмой скелет.
Нежных слов пустые звуки.
Тишины девятый вал.
Подставляй скорее руки –
звёзды – чёрт бы их подрал...

Ночь

Всплывали облака – кто в лес, кто по дрова.
Июньская свеча коптила стёкла лета.
Бледнел дугой закат, кружилась голова.
Я провожал тебя, как провожают реку.

Склоняли спины фонари, мерцал в ручьях листвы
горячий ветер. Сердце притаилось
под тенью крыш, прогретых солнцем, и
ты обернулась – тихо солнце скрылось.

Я видел ночь, упавшую слезой,
усталость глаз, блеск губ с прохладой сочной.
Я чувствовал пустыни чёрный зной.
Я след терял твой. Я любил на ощупь.

Была со мной ты, и была моей.
Но кто бы знал – лишь ночь одна расскажет.
И в мгlistую прихожую аллея
вонзали звёзды свет замочных скважин.

Буколика

В игольное ушко зрачка вдевает нитку солнце.
Из-под туманного плаща косится лунный серп.
Унылый шум берёз скользит, отбрасывая проседь.
Перебивая слёзно ночь, росой звенит рассвет.
Вбирая форму пустоты, смотрясь, как щёголь, в воду,
подобие своей тоски в глазах реки застав,
телегу катят облака к оврагу горизонта,
благословляя лязг дождя и пустозвонство трав.

На сотню вёрст – лишь двадцать грамм души и влага неба,
где пьют прохладную волну ракушки сонных век,
и сердце, словно на износ, качая кровь рассвета,
лениво нянчит слёзы ив над вязким илом рек.

Сказка

Присев на краешек дивана,
жизнь отмотав до точки ноль,
она всё верит непрестанно,
как мазохист, влюблённый в боль,

в пролог любви – химеру принца,
и в святость слов, и в нежный плен,
впуская ночь, считая риски
на бугорках бескровных вен.

Сливаясь с пледом тёмно-синим,
вбирая приглушённый свет,
она мечтает от бессилья,
и представляет свою смерть.

А утром, сбросив груз желаний,
ночь обратив в кофейный дым,
она становится желанной,
и улыбается другим.

Оптика

Белый шум облаков над песком. Высыхающий пруд.
Предвкушенье дождя заполняет пространство. Лес катит под горку.
Монотонно дорога ползёт. Замыкается круг.
Лучший кадр – как призрак, как в стоге сена иголка.

Я сажусь на ступеньки земли, разбавляя травы пустоту.
Чёрной тучей ныряет небо в зеркальную лужу.
Горизонт тяжелеет, жар полдня уснул на посту.
Я смотрю в объектив – объектив тишиной перегружен.

В первой капле дождя отражается мокрых волос
металлический блеск и полночных фонариков влага.
Сухо щёлкнет затвор, как в пространство вколоченный гвоздь.
Лучший кадр – как призрак – всегда остаётся за кадром.

Арабеска

Вечер.
Превозмогают тень фонари.
Превращаются в зал ожидания окна.
Ты открываешь дверь, закат запирает день.
Ветер поёт вдалеке –
сквозняк попадает в ноты.
Вечер очень к лицу тебе.

Простые истины –
кофе, постель, сигареты, свеча –
как обрывки сельских пейзажей
с их тоскливой искренностью.
Прикосновения – они всегда немного горчат –
это лучшие стихи,
которые никогда не будут написаны.

У вселенной нет центра,
так почему бы ему не быть
сегодня твоим сердцем –
наваяло, пока солнце, чопорно,
по-английски,
скрывалось за горизонтом глаз, и нить
повествования терялась
в первой капельке пота.

Ремарка

Субботнее утро.
Окна подёрнуты ряской штор.
Взгляд безучастно липнет к обоям.
Каждый шорох вторит –
ещё рано.
Провожу горячей рукой
по затылку,
будто восход солнца ласкает
седую пену волос
на голове океана.
На дне бокала –
мутная влага
вчерашнего дня,
где
между двух огней её глаз
я загадал желание,
что, естественно,
кануло в лету.
Враждебно скалится утро –
возлюби врага
своего.
В поле зрения
прозябают бессрочно
два вида счастья –
"когда-то" и "где-то".

Пока тени бредут на запад

Июнь в зените.
Горизонт скрывает
отчаяние
последней строчки
письма.
Волны
плачутся
в жилетку песка,
облокотившись о берег.
Подставляю
вторую щеку
пощёчине ветра.
Рассвет,
как пустой вокзал.
Небо выходит из берегов,
раскрываясь китайским веером.
Шелест воздуха
над медленным морем
проникает
в сонную плоть.
В первых лучах –
душа,

как одиночество
на лодочной пристани.
Солнце –
капля запёкшейся крови –
жаждой стянуло рот.
Блики танцуют
падающим
дождём.
Дождь –
это самое близкое.

Судьба

Ты сбрасываешь
тяжесть полдня с плеч,
ты обретаешь признаки тени.
Я молюсь на твою наготу,
закрывая глаза, забывая сказать – прощай.
Первые звёзды,
оставившие
миллиард световых лет за дверью,
застают –
тусклый плафон на кухне и остывающий чай.

И мы будто скользим с тобой
вдоль вечной осенней аллеи,
тревожа сухую листву,
отмечая каждый малозначительный штрих,
из пункта А в пункт Б,
две городские тени,
предпочитающие молчание
всему вышесказанному до них.

Ракушка

Всё, что я помню,
открывая глаза –
как метель падала вниз
в вечерние сумерки,
превращая холод
в ароматный нектар Диониса.

Всё, что я знаю –
это раскаяние за закрытой дверью;
стройная тень нисходящего вечера;
вспышка светильника,
осветившая скудные стены;
ночь, проскользнувшая облаком;
и призрачный шум прибоя
в спирали ракушки
на подоконнике.

Прибой обретает подобие слов,
и поджигает свечи
береговых посёлков.
Тёплое небо августа
обрастает звёздами.
За линией горизонта
спящего города –
всё, что я помню,
всё, что я знаю –
стало тобой...

Каждый

Когда город умолкнет, и
рембрандтовский свет подытожит
прошедший день,
чтобы тебя услышали, говори тихо,
тихо, как только можно.
На листве, на ветвях, на коре
полупьяных стволов испарятся
отпечатки пальцев летнего солнца.
Паства дорожных теней
украшит общину ночи. Поздно бояться
чернеющей пустоты – она уже смотрит внутрь. Звёзды,
как пыль под ногами; ноги, как вата. Поверь,
нет ничего приятнее,
чем уйти от всего того, что было тобой,
когда город рухнет во мрак глубокой луны. И даже
то, что когда-то
считалось именем собственным, превратится в пыль
под ногами, чтобы услышал каждый
за тысячу миль
биение твоего сердца,
жаждущего прощения,
умирающего от жажды...

Мотив

Вот он я, твой ряженный-суженый,
плюй мне в мою незрячую душу
своим горячим, как степь, поцелуем,
я подыграю июльским смехом.
Утро, выкатив око наружу,
опохмелится грязной речушкой,
запахом липы с кожи повеет,
ветви её – обнажённые нервы.

Слышишь, как бьётся, не отпуская,
словно похмелье в разгар воскресенья,
сердце на тлеющих углях июля.
Солнце, трава и прочая ересь
млеют. Ты крикнешь мне нежно – тот самый;
я посмотрю тебе вслед, как в последний...
Тусклая ива заплачет, как дура,
грязи речной присягая на верность.

Вот он я, твой праведно-грешный,
сорванный полдень с ветки Эдема,
вылепленный из земли и из камня,
к стенам приросший тоской изумрудной.
Солнце, листая траву побережья,
в скобки возьмёт обнажённое тело,
с губ твоих капнет толика яда,
я подыграю на лютне июля.

Ля

Закат, цвета бордоского вина
вперемешку с лондонской грязью –
как особое приглашение
на балкон, за арлекиновые занавески,

где, покидая тёплые меха тела,
твоё дыхание
упирается шёпотом в ноту "ля",
в лязг тормозов по ту сторону дня.
Побочным эффектом вдоха-выдоха
можно считать смело
рождение слов –
произнося их,
ты становишься
менее осязаемой для меня.

Орлецовая даль
отдаёт слегка алкоголем,
таким же крепким,
как сон на пляже
у красной ковровой дорожки прибоя,
где награждают
щепоткой соли и цинковой пеной.
Запах вечера – мак и мята.
Западный ветер в пастельных набросках
и паутина в углу балкона
воспроизводят
аргентинское танго –
то, что уже никогда не вернётся,
если не станет твоей тенью.

Кайма

В дебрях непроходимых августа,
один на один,
мне –
разоблачать глубокую полночь,
перебирая, на манер волхвов,
допотопные звёзды, в поисках той, единственной,
нависающей пьяным компасом
над колыбелью
улиц, дорог, домов.
Отсутствие привычки оглядываться назад –
как обезболивающее,
как первый шаг
в одиночество придорожных вокзалов,
где ветка рябины с капелькой перламутровой крови
вслушивается в голос,
похожий на
двенадцатиструнный голос дождя.
Скрывшись за горизонтом,
отряхнувшись от пыли и грязи,
в глубокой коме
воспоминаний, неприкаянный,
забытый всеми и вся,
мне одно –
любить эту невесомость,
приоткрывая глубокую полночь
с миллионами
фонарей,
как приоткрывают глаза, на краю моста.

Благословение

Город с грохотом
опрокидывает на голову
вечерний бронзовый колокол.

Ледяная капля луны,
как одинокий
цветок подснежника.
С прилежностью чайки
нарезая абрисы отражений
в супрематических стёклах,
дымящихся чаем,
прорастающих зёрнами кофе,
прихватив серебряный лук
с золотыми стрелами,
держи за душой
не больше двух слов на прощанье,
и покидай свои Дельфы.
Искра близости
предполагает
время разлуки.
Будь кротким, как свет на камнях,
как тысячи воплощений Будды,
как чистый звук,
лишённый примеси смысла.
Твои глаза
уже пахнут хмелем –
обнажённые и безответные,
словно письма Богу,
пылящиеся
миллионными тиражами
на книжных полках
безвременья.

Кардиограмма

Катится с плахи вечернее солнце.
Плачет палач.
Свесился месяц над ветхим погостом.
Льёт молоко.
Мимо плетутся сухие берёзы.
Сдержанный плач.
Капает с лампы промозглая осень.
В сердце – потоп.

Отзвуки полдня запомнит душа.
Память, как медь.
Берег песчаный, лёгкая шаль
тяжести волн.
Белые цепи созвездий прижали
чёрный рассвет.
Вниз по течению лунный ландшафт.
В лодке – Харон.

Зыбь облаков взвешенной скорбью –
мой потолок.
Воздух пещерный, стены, обои.
На полке – Платон.
Воск на подсвечнике, ночь под рукой.
Жизнь, как ожог.
Чёрного неба вечный огонь
и вечный покой.

Клинопись

Тысячелицкий город.
Перебирает лапками по песку

муравьишко.
Кошка сонно пригрелась
на подоконнике –
старая добрая
квинтэссенция нежности.
Чистое небо.
Открытая рана солнца.
Ветер гуляет в осеннем пальто.
Ищи-свищи.
Время, как наслаждение неизбежностью.

Промозглый осенний ветер
с крыш,
точно синица в руке.
Сердце –
выстукивает ритм этажом ниже.
Тень мудреца
падает параллельно реке,
чтобы слышать
перебирающего лапками по песку
муравьишку.

Боль – проговори и забудь
навсегда.
Любовь – последний абзац
августовской вседозволенности.
Умирая, думай о красоте –
философия
сорванного листка
старого клёна,
рисующего иероглиф
в осенней мороси.

Плеяда

Всепроникающая,
как реликтовое излучение,
лирика твоих глаз,
цитадель твоих слёз –
вот истина,
всегда на шаг
опережающая мысль и смысл.
Всё, что нам надо –
так далеко, и так близко,
в самих нас,
в сердце,
в поисках первых лучей солнца,
сочетающих готику
с ренессансной живописью.

Сто один вид моря
в нашем фотоальбоме,
как один мимолётный пейзаж
на двоих.
По прошествии завтра,
снова наступит сегодня.
Все роли исчерпаны,
а, значит,
мы уже можем,
что-то сказать друг другу,
друг другу, не для других,
тропинками губ,
остерегаясь, словно огня,

собственной безупречности.

Есть бледный свет, есть красное вино

Есть бледный свет, есть красное вино,
и тяга звёзд, неизлечимая, как пьянство.
Есть дар листвы, травы прохладный сон –
координаты летнего пространства.

Вплети в узор ладони нить дождя
и паутинку клёнов остролистных.
Луна, печаль на лезвии ножа
на хлеб намажет ржавого карниза.

Вселенной боль похожа на твою,
лишь только тем, что любишь ты прогулки
под небом полночи, под баюшки-баю
фонарной челяди в безлюдном переулке –

где залежь туч, как бесконечный сон,
и диск луны, как тень посмертной маски,
и бледный свет, и красное вино
в координатах летнего пространства.

Перемотка

Сквозь тишину заката, впадающего в реку,
вытягивая ноты густого ивняка,
я вспомню что-то нежное, как молоко, как пепел,
как водянистость неба, как матери рука.

Я вспомню наслажденье, без примеси раскаянья,
букварь аллей осенних, и музыку души,
в ней – маслянистых лужиц прохладное мерцанье,
и грязно-серых улиц пустые стеллажи,

в ней – ветер поит яблони и остывает чаем,
и пылью азиатской разносит осень грусть,
и в чёрном сердце ночи, полярным днём причалив,
луна подъездной лампочки наигрывает блюз.

Я вспомню что-то нежное, как сон, как снег, как запах
черёмухи дворовой, как бабушки шитьё,
под тишиной заката, оплавившего запад,
перебирая струны, той, что возьмёт своё.

Паутина

Закрытых глаз
туманные страницы,
словно душа полночного вокзала.
Туман –
и сердце
на полслова откровенней.
Сентябрь хранит свои пейзажи,
как связки старых
пожелтевших писем,
и льют полынь дожди.
Размеренно вода
стекает по стеклу.
Есть только знаки, признаки, приметы.

Ореховые волосы твои,
как паутина ветерка.
Зари гвоздика на гвозде в прихожей.
В трёхтомнике травы
закладкой
серый дождь.
Сырой листвой обдаст прилив осенний,
как будто Арктика проснулась ото льда.
И руки сдирижируют –
“до скорой”.
И волосы твои, как рожь,
как шум воды,
как ветер,
как дурман...

Бай

Август метёт теплом.
Сонная слабость лета.
Солнце за облаком –
мёд с молоком.
На километры
звенят гладиолусы,
астры и георгины.
На голос реки
слетаются плачем ивы.
Червлённая тушь восхода
мараает бумагу неба –
ни дня без строчки.
Влагой
слёз
мы расточаем друг друга.
Последняя слабость лета.
Пыльный трилистник,
тронутый Богом,
колышется вслед.
Преданием устным
шепчет на ухо
осень.
Постой,
не спеши,
присядь на дорожку,
слушая ветер
в прихожей,
как бархатный проигрыш моря
после дождя,
как Миссисипи-блюз...

Предвкушение

Всепроникающей печалью
разносит осень
голоса гнилой листвы –
от сердца к сердцу,
от мгновения к мгновению.
На стыке неба и земли –
одно лишь место для меня,
одна душа,
одно благословенье;

там каплей небо
накрывает серый пруд,

и направляет шаг дождя
по склону ветра,
там тень заката,
замешавшись в листопаде,
зияет, будто нагота ветвей,
там нежное изгнание из рая
в ветхозаветный

белый край,
в тоску прелюдий,
где вечный сон,
холодный, беспристрастный,
и бродит взгляд по небу
новолуныя,
и ищет звёзды взгляд,
словно дикарь – огонь.

Сто один вид моря

I
Вечерний поезд.
На лилово-матовых стёклах
пятнадцатого вагона –
одноэтажные домики,
прорастающие
кипарисами,
огненно-розовый горизонт,
приглушенный зной облаков
и ростовские звёзды
на сон грядущий...

II
Море в полдень.
Песчаное дно играет на солнце
всеми цветами неба.
Прозрачные волны
сбиваются в пену.
Изумрудные миражи
раскалённого пляжа,
и горячего ветра
ласкают
сухую траву души...

III
Пой, пой вечернее небо
тысячами огней,
тысячами влюблённых глаз,
тысячами лун и солнц.
Бархат берега
переходит
в бархатный бриз.
Ночь на Бугазской косе,
словно россыпь
жемчуга...

IV
Море шепнуло синеющей дымкой
по встречной.
Утренним соком
вспрыснул рассвет.
Жажда –
в крови,
в сердце,

в глазах,
в траве полевой.
Пыльная степь
наших желаний
тает в зелёном прибое...

V
Темнота выжигает глаза.
Свинцово-чёрные волны
выбрасывают на берег
ночь.
Сердце,
укрытое
тяжестью
осеннего моря,
тает вдали.
Звёздный дождь
течёт за холмы,
словно дорога к дому,
потерянная в песках...

VI
Сто один вид моря
в фотоальбоме
августа,
цепляющегося
за соломинку лета.
Упавшее яблоко красного солнца
в ладонях южного неба.
Холодное золото звёзд,
словно молитва отшельника.
Вода переходит в небо,
душа разжигает огонь
на сумрачном склоне
ночи...

VII
Вкус вина на губах.
Вдалеке зажигают костры.
Тишину ласкает
шаль
чёрной
волны.
Шаг за шагом
близость
твоих рук.
Мы одни
под дикой луной
побережья.
Шаг за шагом
нежнее ночь...

VIII
Утро, разбавленное
полночным хмелем.
Сиренево-розовый холод рассвета
ложится на плечи холмов.
Я нахожу тебя
остывающим взглядом
в дверях угасающей ночи,
спящую,
как младенец сентябрь.

Трилистник

I

Любовь –
это привезти назад
душу моря,
а после сидеть у окна,
и смотреть,
как седеет листва.

II

Надежда –
это скользнуть
прохладной слезой
к подножью горы
и растопить
горячий песок.

III

Сердце –
это то,
что теряешь,
когда находишь
другое сердце,
умеющее
нежно молчать
на краю гибели.

Осенняя ночь

Луны осенней абажур
подсветит ночь, и ночь ответит
сквозь мёртвых улиц бледный шум
и фонарей глухих соцветья.

Там будет ветер, листопад,
шлейф перелётных птиц, осколки
сырого неба, жёлтый сад,
треск сквозняков, дождей массовой;

там будут крыши, будет там
шуршанье придорожной тени.
Молись, молись, где старый храм,
пустой от нежности осенней.

Молись, молись, где старый храм,
и проклинай одновременно,
и палец подноси к губам,
сливаясь с придорожной тенью.

Белый ноктюрн

Только тонкая линия
твоего лица
и музыка Альбинони –
вот и всё,
что останется в памяти
декабрьской ночи.
Только тонкая линия
твоего лица
и симфония снега
за синими

стёклами
декабря.
Только белый почерк
метели,
выводящий
последние строчки
последней главы,
где мы теряем
приметы
друг друга,
и капля
северной нежности
падает
одиначеством
с серебристой ветки
зимы,
превращаясь
в тонкое зеркало льда...

Сердце осени

Где-то в сердце осени
небо
пахнет мокрой листвой.
Октябрьский воздух,
напившись воды,
словно марля,
тянет норд-вестом.
В струнах
слабо звучащего солнца –
дождь, дождь,
притаившийся дождь,
и ещё раз дождь,
напоминающий
бег трусцой
на месте.

Медлит рассвет.
Ночь тянет резину.
Золотистая прядь листопада
пробивает
кабацкий туман.
Душа
летит сломя голову
по мостовой,
словно сестра милосердия,
цепляющаяся
за бинты берёз
и метки рябиновых ран.

Где-то в сердце осени
небо пахнет
отсырелым куревом.
Октябрьский воздух
вбирает холод,
словно старый пьянчуга
сосёт по утрам рассол.
В струнах
слабо звучащего солнца –
сплошные ноктюрны –
ночь мудренее утра.
Сердце
бурятским бубном

стучит –
это за мной,
открой.

Тяжесть золотой руды

Тяжесть золотой руды
в каменеющих аллеях.
Солнце путает следы.
Уголёк заката тлеет.

Вдоль дождливого стекла
стынет взгляд потухших домен.
Нежность в сердце умерла,
чтоб взойти луной бездонной.

Осень сердце обожгла,
прорастая в сердце ветром.
Вдоль дождливого стекла
пустоту роняют ветви.

Грязь осенняя в душе.
Серебром ласкают свечи.
Нежность гонит боль взашей,
камнем падая на плечи.

Предисловие к первому снегу

Вязкий
простудный воздух
подпирает осеннее небо.
Осеннее небо
сильно смахивает
на затянувшийся ряской пруд.
Солнце смотрит на запад,
как седой патриарх,
и промозглый ветер
напевает что-то
из Джеймса Брауна,
мешая листве уснуть.

Закат оседает пылью,
хлопнув
подъездной дверью.
В прихожей ютится
сквозняк
на груди жёлтых бумаг.
Сердце провидит декабрь
и уходит под лёд –
не велика потеря,
если смотреть на мир
исключительно
в белых тонах.

Ночь одевается в шёлк
и выплывает из спальни,
как чёрный лебедь.
Единственный во дворе фонарь
роняет
тёмно-лиловые слёзы на пол.
Мы начинаем верить в тепло.
Любовь переходит

на зимнее время.
Ночь одевается в траур,
словно закат
выпрыгивает в окно.

Только тень

Здесь, только тень, и больше – ни души.
В смарагдах окон – занавесок шелест.
В пробелах снега – голос тишины
и след любви, как полночи отшельник.

В заиндевевшем призрачном углу –
плафона нимб, застывший кляксой алой.
Сквозь лёд зеркал, белила и сурьму
играет месяц тонкой струйкой пара.

И больше – ни души; и не до сна;
и, лишь мерещится на тополиной ветке
надежды робкой вешняя листва
сквозь снежной пыли голубое пекло;

а рядом – тень, холодная, как хром,
нежней огня, отзывчивее ветра,
будто дозор у мраморных колонн,
цепляющих развалины рассвета.

Полиэдр

Октябрь. Туман.
Утро раннее ранено тьмой.
Ты опускаешь глаза,
словно лиловый прилив дождя
притаился за кронами лип,
наблюдая за нервным срывом
осеннего золота
под подошвами ветра.
Утро похоже на ночь,
засидевшуюся в гостях.
Кошачьей поступью
обойдя
весь восток,
где-то
поёт заря
зазря.
Где-то...

Сердце включает
автопилот.
Твои молоко и мёд –
туман и листва,
повисающие
в пространстве,
будто пуговица
на одной нитке.
Октябрь.
Второй месяц осени.
К чёрту численник,
теория чисел проста –
седьмой год любви
дарит
неисцелимую нежность,

словно
седьмую попытку.

Мания

Её глаза –
словно древние ледники.
Она бежит навстречу
ноябрьскому
снегу,
обгоняя
завтрашний день,
собирая
иней,
как падающая звезда
в галерее осеннего неба.
Душа её,
словно песчаные дюны
на фоне рассвета,
играет светом и тенью.
На ветвях проступает
изысканность
французской
позднегоготической живописи.
Mon amour, mon amour, mon amour
навзрыд.
Её глаза –
смертельно искренни
и закрыты.

Флэнжер

Солнце медленно
скрывалось за занавесками.
Ночь нагоняла скуку и исцеляла,
словно тень святого Петра.
Твои фантазии, твои желания –
стали моим смирением.
На закате дня
я представил далёкие горы,
замыкающие на себе:
восход и заход солнца,
нежность и боль,
солёные волны моря
и ледяную пустошь полночного океана;
эти горы были похожи на крылья орла,
несущего бремя созвездий
сквозь пространство и время.
И я представил тебя –
одинокую, хрупкую тень,
раненную в самое сердце
у подножья слепого заката,
лишённую сна и тепла.
И мне захотелось обнять тебя,
как в те первые дни января
на занесённом снегом проспекте,
где предавались веселью
дети метели,
а на соседней лавочке пил из горла
смеющийся ангел.

Фузз

Осеннего тепла дыхание сырое.
Мерцанье охры. Шелест мостовой.
Стянуло небо – тучи мягче хвои.
И горизонт, как формуляр пустой.

Минуты капают неделями простоя.
Ползут аллеи ржавым багрецом.
Искрится полночь вечной мерзлотою,
и отливает Орион свинцом.

Мрачнеют краски. Сердце догоняет
осенний сумрак, и ещё сто лет
идёт-бредёт путём своим, не зная
пути, как самый форменный поэт.

За дымкой крыш, за сном осенних листьев –
холодный горизонт сто лет подряд,
и взгляд, скользнувший перелётной птицей
сквозь фонарей минорный звукоряд.

Интерлюдия

Твои замёрзшие руки,
сродни ветвям,
утратившим листья.
Твой голос – осенний бархат,
упавший на камень земли.
Мглистая осень
снова в моде,
и ночь с бокалом игристого
входит в твой дом, как в пейзаж,
чтобы признаться в любви.

Пёрышком бледного света
месяц щекочет за ухом.
Голос – как капля дождя,
озвучившая карниз.
Всеми оттенками кобальта
небо набило брюхо,
и перешло на шёпот,
словно осенний бриз.

Поздний октябрь

Шёл дождь и шёл снег.
Затем пришла ночь.
И стало теплей.
И чёрный фасад
склонился крестом.
И неба клочок,
подёрнутый льдом,
молчанье берёг
для долгих ночей.
Шёл дождь и шёл снег.
В ручьях проводов
неслись голоса –
но твой,
днём с огнём
искать мне,
искать,

как летнюю тень
в осеннем саду,
как солнце во мгле.
Вот сердце твоё –
там стынет огонь,
там тлеет рассвет,
рукой лишь подать;
но пальцы дрожат,
как струны дождя,
как осени цвет
в мехах пьяных крон.
Шёл дождь и шёл снег.
Вот сердце моё –
там полутона
тропинок лесных,
малиновый звон,
и капли воды,
и поздний октябрь
в тумане речном.
Шёл дождь и шёл снег.
И шёлк с твоих плеч
скользил на паркет
для долгих ночей...

Восточный ветер

Солнце обрызгало бронзой
и тут же погасло.
Постные
облака –
словно разодранная одежда.
Палевый вечер
подкрался издалека.
Над пиками
города
сдержанно

проплывал
аметистовый холод.
Как набросок
обрастает тенями и бликами –
так и любовь моя
проявляет себя
на фоне осеннего снега.
Любовь моя –
тихая
пастушья дудочка
из тростника,
плоть и кровь
восточного ветра.
Медленно

дымится Bond
под блюз и крепкий
бразильский кофе.
Жемчуг луны
ждёт своего часа,
чтобы предать огласке
пустую комнату.
Последние краски
осени,
холст, масло –
моя любовь

в причальных огнях.
уснувшего города.

Ласково
смотрит солнце
откуда-то изнутри –
с самого дна
осеннего сердца.
Господи,
как одиноко,
как сиротливо,
и как хорошо,
когда впереди,
лишь аметистовый холод
декабрьских стёкол.

Море вчера

Помнишь ли, как ночь приглашала в дом,
открывая все двери, срывая замки, засовы, заплатки,
как кричала чайка над малахитом волн,
как солнце брало низкие на нотной линейке заката?

Дымящийся звёздами неба холм,
холодный песок, чёрные волны,
и кроме нас больше не было никого,
кто бы мог видеть, слышать и что-то об этом вспомнить.

Помнишь ли звёздное небо над нами,
и вещее море, засыпающее в ракушке,
как далёкий берег кричал огнями,
как горчил лёгкий бриз и что-то шептал на ушко?

Холст

Вдоль стен сырых, вдоль серой мостовой,
где осень тает эолийским ладом,
созвездий звон и низкий голос твой –
всё обретает тонику прохлады.

Где лунной краски вязкая гуашь
ложится на бумагу влажных стёкол,
норд-вест пронзающий займёт второй этаж,
на первом этаже – сквозняк с востока.

Где спит в реке, под арочным мостом,
созвездий звон, растаяв в лунной краске,
повеет полночь, и на ощупь мирный сон
тебя найдёт, согрев посмертной маской.